

КУЛЬТУРА

А.В. СКИПЕРСКИХ

Тайна как источник власти интеллектуалов (На примере сказок Э.Т.А. Гофмана)

Бытие власти – сложная система, состоящая из множества элементов, одним из которых являются источники власти, создающие ситуацию власти, поддерживающие ее позицию и функциональность. Каждый субъект власти заинтересован в источнике-многообразии, гарантирующем ему легитимность. В политологической науке существует классификация источников власти, к которым относят харизму, авторитет, силу, скорость, богатство, престиж, закон. Каждый из представленных источников – важная составляющая, способная создавать в субъекте власти особое напряжение, заставляющее повиноваться объект власти. Наряду с перечисленными источниками власти существует еще один – тайна, без которой власть не может функционировать, потому как “секретность – дополнительный потенциал ее энергетики” [Исаев, 2003, с. 546]. Этот источник обладает серьезным легитимационным потенциалом, что подтверждается многочисленными проекциями политических ситуаций, кодирующихся тайной, в различные дискурсы.

Наиболее релевантен и по-своему репрезентативен, с моей точки зрения, дискурс сказки. Именно в этом направлении и пойдет разговор в данной статье, где в качестве исследовательской площадки выбраны сказки Э.Т.А. Гофмана, потому как именно в них наиболее четко расставлены акценты на легитимационных способностях тайны – важнейшем энергетике власти.

Манифестации тайны как источника власти рассматриваются в системе политической ситуации, каждая компонента которой подтверждает особый мистицизм власти, создающий оптимальные условия для осуществления легитимационных процедур. В качестве модели политической ситуации легитимации власти используется теоретическое построение А. Дегтярева, выделившего такие компоненты политической ситуации, как пространственно-временной континуум, акторы и их стратегии, нормы, ресурсы и потенциал, позиции и диспозиции, акции и интеракции [Дегтярев, 1997].

Итак, начнем с *пространственно-временного континуума*. Тайна в дискурсе сказок Гофмана функционирует как код субъектно-объектной коммуникации и источник власти преимущественно в небольших по размеру пространственных континуумах. Можно выделить три формы хронотопов, в которых осуществляется легитимация при помощи тайны. Во-первых, отношения власти, как правило, осуществляются

между политическими акторами в небольших европейских городах, на их улицах и площадях. Интересно, что здесь можно обнаружить особенность, характеризующую исключительно Гофмана, с его определенными намеками на публичность отношений власти в европейской традиции.

Еще одной формой пространственного континуума выступают замкнутые, камерные пространства, которые любит обживать тайна. Политические акторы – хранители тайны часто позиционируют себя в специфических интерьерах кабинетов, лабораторий, библиотек. Алхимические опыты и охранение тайн нуждаются в замкнутой среде, что и позволяет по мере развития политического процесса субъекту власти значительно редуцировать свою мощь. Не случайно один из образов труда интеллектуала, представленный Ж. Ле Гоффом, – “одиноким ученый в тиши кабинета, посреди богато убранной комнаты, где ничто не мешает потоку его мыслей” [Ле Гофф, 2003, с. 152]. Необходимо отметить, что политические акторы, легитимирующиеся посредством тайны, в продолжении политических циклов сохраняют причастность к мистическому бытию, не отказываясь от него и не изменяя ему. Здесь уместно вспомнить М. Бахтина, говорившего о насыщении хронотопов, непосредственно влияющих на героя и его судьбу [Бахтин, 1976, с. 271]. Происходит интенсификация пространства, где сосредоточивается тайна.

Наконец, на мой взгляд, к форме пространственного континуума следует отнести и маленькие княжества, своеобразные метафоры европейских городов-государств. Княжество Иринея в “Житейских воззрениях кота Мурра” было необычайно компактным. Соседствующие с ним княжества также не отличаются огромными размерами. Бытие политических акторов, заинтересованных в политической легитимации, во многом исходит из формата контролируемого пространства. Расширение владений становится функционально затратной процедурой, пребывание в конкурентном режиме предполагает вложение значительных ресурсов. Поэтому (как и в случае князя Иринея) правящие акторы концентрируются на вопросах, связанных с усилением влияния внутри контролируемых ими пространственно-временных континуумов. Происходит наращивание легитимности, основанной на мистических идентичностях, что заставляет правящих акторов самосовершенствоваться в способности продуцирования периодических чудес, подчеркивающих их сакральную особость.

Временной континуум легитимации по знанию совпадает с особенностями исторического времени Гофмана, впитавшего в себя опыт европейской традиции погони за знанием. Ключевыми субъектами истории становятся ученые, алхимики, безумцы, способные собирать аудитории алчущих знания сторонников. Как видно, временной континуум протекающих политических процессов, метафоризированных писателем в сказочном дискурсе, располагал к манифестациям легитимационных процедур, кодом которых выступала тайна. Данный аспект играл существенную роль при определении образов политических акторов, осуществлявших легитимационные процедуры. Важнейшей особенностью их жизнедеятельности был доступ к знанию, открывающему им каналы инкорпорации в политическую элиту.

Каковы же **акторы и их стратегии**? Политическая ситуация легитимации власти по тайне включает в себя непосредственных субъектов политического процесса. Выделяя лишь некоторых из них и пытаясь предвосхитить их возможные стратегии, автор вовсе не ограничивает роль акторов, оставшихся вне политического анализа (скажем, автор не анализирует роль политических институтов, таких как государство). Просто сам факт легитимации по тайне существенно корректирует образы политических акторов, непосредственно к ней относящиеся. Концентрация, использование и передача знания требуют значительной компетенции, поэтому в качестве ключевых акторов начинают позиционировать себя интеллектуалы сказочника – профессора, магистры, архивариусы, вообще люди, проводящие опыты преобразования материи. Их стратегии – наращивание опыта, усиление ресурсной базы, апробация и использование алхимических процедур, концентрация внутри себя и своей лаборатории большего знания о мире, что достигается стремлением к коллекционированию метафор мира,

его моделей. Одна из стратегий интеллектуалов – наследование знания, его передача, в основном самому преданному ассистенту и ученику. Здесь уместно вспомнить о таинственной книге Северино в “Житейских воззрениях кота Мурра”, которую унаследовал маэстро Абрагам, присутствовавший при разработке опытов с невидимой девушкой.

Подобные стратегии всегда связаны с верховной властью. Так или иначе они могут угрожать ее легитимности, поэтому правящие акторы в дискурсе сказок Гофмана (а, стало быть, и в реальном измерении политики) пытаются наладить контакт с интеллектуалами, обеспечив им неприкосновенность, используя их как советников. Правящие акторы пытаются элиминировать интеллектуалов как конкурентов по политическому процессу, минимизируя риски собственной делегитимации. Хотя опасность циркуляции элит с передачей власти интеллектуалам всегда существует – европейская история любезно предоставила нам большое количество практик постепенного отчуждения власти в пользу технократов. Ле Гофф вспоминает об институционализации интеллектуальной технократии, когда “университетские мэтры завладели высокими постами в церковной и светской иерархии. Они сделали епископами, архидиаконами, канониками, советниками, министрами” [Ле Гофф, 2003, с. 109]. Подобная опасность существует и в сказочном гофмановском мире.

Другим политическим актором в гофмановском дискурсе выступает студенчество. Писатель предчувствовал мощную партиципаторную потенцию данной социальной группы. Студенты выступают как ассистенты мэтров, как вероятные наследники их знания, опыта, ценностного мира, политического восприятия. Студенчество Гофмана неоднородно по своему составу и обладает различным потенциалом наследования знания мастеров. Носители тайного знания всегда избирательны в выборе – их ставки на тех или иных представителей студенческого сообщества безошибочны. Преемники умеют хранить приобретенные секреты. Бедность студентов – важный мотив формирования стратегии. Она заключена в ликвидности знания, вытесняющего ценность денег, экономику денег. В этом смысле стратегией является гипотетически возможная ротация технократов, заинтересованность в приобретении опыта. Отсутствие его подчас ставит студентов в странные ситуации. Это отмечает А. Карельский, считающий, что «студенты у Гофмана, все эти романтически-восторженные юноши (Ансельм в “Золотом горшке”, Натанаэль в “Песочном человеке”, Бальтазар в “Крошке Цахесе”), – энтузиасты начинающие, дилетантствующие; они неопытны и наивны, они сплошь и рядом попадают впросак, и за ними без конца надо следить. Это входит в обязанности гофмановских интеллектуалов – они старше и опытней, они одаряют молодых энтузиастов своим неусыпным попечением (Линдгорст-Саламандр в “Золотом горшке”, Проспер Альпанус в “Крошке Цахесе”, маэстро Абрагам в “Коте Мурре”» [Карельский, 1991, с. 11]. Часто студенты оказываются теми политическими акторами, которым приходится в конкретном пространственно-временном континууме восстанавливать справедливость, тем самым завоевывая капитал репутации и, следовательно, легитимность. Высокие референтные способности интеллектуалов позволяют им действовать через студентов – наиболее управляемой и мобильной социальной группы.

Достаточно часто участниками властных практик выступают безумцы, пытающиеся получить доступ к знанию альтернативными путями. Возможность апробации и реализации альтернативных методологий сказывается на перспективности целедостижения (возможность получить золото в результате алхимических практик, тем самым выступив определенным центром силы). Безумие у сказочника интеллектуально и обладает высокой продуктивностью. По меткому замечанию А. Ботниковой, “безумцам открыты тайные стороны жизни, и сами они позволяют проникнуть в ее загадку” [Ботникова, 2003, с. 58–59]. Доступ безумия в тайну мироустройства, бытия общественных структур предполагает высокую провиденциалистскую способность. Данная особенность автоматически позиционирует гофмановских безумцев как вполне самостоятельных игроков в конкретных текстовых локальностях.

Другой политический актер, концентрирующий у себя большие ресурсы, – непосредственно правящая элита. Ее стратегической установкой можно считать компромисс с волшебниками, владеющими секретами преобразования. Политический правящий истеблишмент у Гофмана понимает, что тайна собственной легитимности напрямую зависит от их расположенности. В этой связи в гофмановских политических ситуациях отсутствуют практики подавления владельцев секретных знаний. Складывается положение, при котором подавление бывает значительно дороже пакта, что позволяет правящей элите поступать максимально рационально. Тем самым пакт – наиболее разумный сценарий развития отношений с интеллектуалами. Правящая элита, кажется, уверена в том, что знает меню их предпочтений. Ее устраивает их неангажированность, отсутствие стратегий, связанных с инкорпорацией во власть. Поэтому правящие политические акторы смело приписывают себе продуцирование чудес, что не замедляет сказываться на их легитимности. Тем самым их стратегии заключаются в сохранении властной позиции и ресурсной базы для уверенной эффективной легитимации.

При анализе политических акторов и их стратегий нельзя не учитывать и потенциал такого актора, как оппозиция, практически присутствующая в каждой политической ситуации Гофмана. Стратегии оппозиции обуславливаются ее изначальным позиционным дефицитом: необходимость установления паритета в праве использовать и контролировать ресурсы связывает данного политического актора вполне предсказуемым меню акций и интеракций. Интересно, что в гофмановских дискурсах оппозиция практически всегда представлена интересами различных конкурирующих между собой групп. И если со стороны интеллектуалов наблюдаются попытки воздействия на политические расклады “мягкой” властью, то со стороны оппозиции предпочтительнее выглядят силовые, “жесткие” техники. Власть в гофмановских сказках вполне лояльна к проявлениям конкуренции за право присутствия в ее относительной близости. Скрытые оппозиционные настроения, аккуратно демонстрируемые советниками, гофмаршалами и другими придворными, как правило, удобны правящим акторам, потому что, пытаясь заполучить доверие правящего режима, оппозиционным акторам приходится вступать в перманентные конфликты с интеллектуалами.

Политические акторы в сказках Гофмана, выполняя легитимационные процедуры, руководствуются определенными *нормами*, регламентирующими их поведение в политическом процессе. Каждый политический актер в процессе легитимации действует соответственно некоему установленному регламенту (устному и письменному). Вместе с тем можно говорить и о том, что акции и интеракции, осуществляемые политическими акторами, претендующими на усиление либо на сохранение властной позиции, корреспондируют с тайной. Именно тайна выступает наиболее сильной и обязывающей инстанцией, призывая политических акторов к соблюдению неких этических норм, позволяющих тайне быть функциональной.

Разрушение тайны, размывание ее сакрального кода, сдерживающего объект власти в ситуации очарования и оцепенения, чревато для субъекта моментальной политической делегитимацией. В политических ситуациях в дискурсе гофмановских сказок нормы легитимации предопределяют мистичность самого процесса, его заботливое охранение от любопытствующих глаз. Так, алхимические опыты в “Песочном человеке” требовали высокой концентрации на самом алгоритме алхимической процедуры, специальной одежды: “Отец безмолвно и мрачно снял шлафрок, и они облачились в длинные черные балахоны” [Гофман, 1967, с. 526]. Сбой алгоритма, формулирующегося мистичностью и верностью следованию технологии, поэтому и означает делегитимацию. Нет ничего удивительного в возмущении Коппелиуса, обнаружившего в отцовском кабинете Натанаэля, подсматривавшего за их опытами, – это означало развенчание его тайны.

Приращение к тайне всегда жутко. Сакральный центр тщательно охраняется, существует целая система фильтров, затрудняющих доступ к центру, к разгадке тайны. Так, в том же “Песочном человеке” Натанаэль свидетельствует: “...то, что я издавна считал шкафом, была скорее черная выемка, где стоял небольшой очаг. Коппелиус

приблизился, и голубое пламя, потрескивая, взвилось над очагом” [Гофман, 1967, с. 526]. В дискурсе сказок Гофмана политические ситуации практически всегда предполагают лишь эпизодические манифестации тайны, казалось, случайно представляющиеся аудитории, оказавшейся в определенном хронотопе тайны. Это отнюдь не исключение из правил. На мой взгляд, герметичность бытия субъекта власти, посвященного в тайну, в ее дискурс, не позволяет ему растрачивать этот легитимирующий потенциал. Данный аспект подтверждает И. Исаев, по мнению которого “моменты открытой демонстрации власти по продолжительности значительно короче, чем ее скрытое существование и функционирование” [Исаев, 2003, с. 546].

Нормы, определяющие поведение и стратегии политических акторов, оказывают влияние и на ресурсную базу, поддерживающую позиции акторов в политическом процессе. Определенные обязательства, восходящие к неукоснительному следованию неким правилам, предопределяют и *ресурсный потенциал*, его дальнейшее развитие. Самый важный ресурс политических акторов, легитимирующихся посредством тайны, – знание. Осведомленность, компетентность, профессионализм, знание законов мироустройства и устройства человека как такового выступают важнейшими составляющими признания, обеспечивая своего обладателя уникальным ресурсом. Политический актор понимает необходимость совершенствования процедуры манифестации тайны, его интересуют алгоритм и технология. Осуществление контроля над процессом – важнейшая задача для политических акторов, легитимирующихся посредством тайны. Поэтому они стремятся к развитию, что и определяет их предпочтения и конъюнктуру политических ситуаций с их участием.

Тайна как одна из разновидностей культурно-информационного ресурса – важнейший капитал политических акторов, имеющий высокую ликвидность в легитимационных процессах. Поэтому необходимость в концентрации мира, его суггестии в пределах пространственно-временного континуума, над которым осуществляется полный контроль, выступает у политических акторов в политических ситуациях Гофмана вполне определенной стратегией.

Большим значением в легитимационных практиках наделен экономический ресурс. Концентрированный мир, сжимающийся посредством тайны в различные модели, – одна из форм данного ресурса. Могущность власти черпает потенциал управления миром в подручном, карманном способе, контролируемом с помощью знания. Здесь возможен учет опыта использования символических предметов, являющихся метафорами мира. Политический лидер в целях легитимации может использовать властную атрибутику, в которой концентрируются одновременно и сила (корона, скипетр, держава, трон), и сакральное значение. Высокий статус позволяет политическому лидеру коллекционировать знания о мире, в том числе и опредмеченные, с целью их периодической демонстрации народу. В этом смысле не случайно появление в XVI в. кунсткамер, наличие которых у носителей власти говорило об их привилегированности и могуществе. «Кунсткамера должна была представлять собой модель мира. Астролябии, камни из козих желудков, античные бюсты, “оживающие” механические манекены, небесные и земные глобусы, дорогие панцири, сушеные скорпионы, коралловые ветки, оправленные в золото» [Ходнев, 2005, с. 67]. Экономические ресурсы интеллектуалов более компактны, но не менее энергетичны. Контролируемый мир интеллектуалов Гофмана умещается на столе маэстро Абрагама или в библиотеке (“Житейские воззрения кота Мурра”), в замке Дроссельмейера (“Щелкунчик и мышинный король”), в саду архивариуса Линдгорста (“Золотой горшок”).

Экономические ресурсы, находящиеся в распоряжении гофмановских интеллектуалов, излучают таинственность и способны зачаровывать аудиторию. Легитимность интеллектуалов отчасти основывается и на их гардеробе, содержание которого обходится довольно дорого. Интеллектуалы узнаваемы ввиду приверженности определенному вкусу, стилю. Вот как Ле Гофф описывает университетских интеллектуалов: “...они носят длинную мантию, капюшон, подбитый белочим мехом, нередко воротник из горностая и в придачу длинные перчатки” [Ле Гофф, 2003, с. 116]. Доступ к знанию

не может не связывать интеллектуалов определенными обязательствами в отношении образа собственного позиционирования.

Наряду с культурно-информационным ресурсом, к которому принадлежит тайна, в дискурсе сказок Гофмана встречаются практики использования социального ресурса. Утверждение власти в своей позиции происходит при помощи периодического предъявления чудес аудитории. Благо у политических акторов-интеллектуалов такая возможность имеется. Масса жаждет манифестации чуда. Интеллектуал предоставляет такую возможность, подтверждая ее последующее право на это. “Житейские воззрения кота Мурра” начинаются с фейерверка в княжестве Иринья, устроенного фокусником Абрагамом, ибо толпа жаждет “Огня!” [Гофман, 1967, с. 54–57].

Функция интеллектуала походит на миссионерство – интеллектуал несет аудитории возможности знания, представляет ей собственный опыт. Не случайно интеллектуальные продукты пользуются такой популярностью. Так, в Европе неоспоримое преимущество интеллектуалам могли давать попытки проникновения в тайну устройства человека, всевозможные анатомические штудии, привлекавшие огромное количество зрителей. На глазах толпы демонстрировалось, что “мертвое тело более не принадлежит ни Богу, ни природе, но является собственностью просвещенной власти. Власть, которая основывается на знании и даже заключается в нем” [Михель, 2003, с. 227]. Легитимирующий потенциал содержит и административный ресурс – обладание тайной создает некий альтернативный центр, параллельную властную вертикаль, основывающуюся больше на неформальном подчинении.

Отчетливая социальность сказок Гофмана предполагает разоблачение действительной властной вертикали – ее узурпаторы оказываются держателями достаточно “слабых” фишек, обеспечивающих им чистоту легитимационных процедур. Легитимность же интеллектуалов, наоборот, гораздо выше. Доступ к тайне, к секретности аккумулирует в них высокий потенциал легитимации. Отсюда – важность *позиций и диспозиций*.

Все участники алхимического действия, по мнению Исаева, “занимают четко определенные статусы в социальной иерархии, и их действия и судьбы вполне соотносимы с реальными политическими действиями, целью которых является перераспределение властных полномочий” [Исаев, 2003, с. 360]. Объем ресурсов предопределяет статус политического актора, его стратегии в политическом процессе относительно других его участников. Нужно отметить, что позиция интеллектуала достаточно легитимна практически для всех представителей социального ансамбля. Тайные знания, поддерживающие позицию интеллектуала и способствующие его легитимации, являются мощным ресурсом. Что касается других политических акторов, то степень их влияния обуславливается способностью контролировать политический дискурс.

Позиция интеллектуала труднодостижима. Груз тайны заключает в себя огромную ответственность, обретение которой чревато для инкорпорировавшихся определенными проблемами. Отец Натанаэля, жаждущий дотянуться до разгадки тайн алхимии, погибает (“Песочный человек”). Попытки доступа к сакральному центру оборачиваются неприятностями для непосвященных, грозя им серьезными психологическими расстройствами. Так, в “Крошке Цахесе по прозвищу Циннобер” студенты сталкиваются с большими неприятностями, пытаясь раскрыть сущность Циннобера – расколдовать его секрет. В “Житейских воззрениях кота Мурра” появление маэстро Абрагама при дворе Иринья оборачивается понижением аппаратного веса прежней элиты – гофмаршала и обер-егермейстера.

Что касается самой позиции гофмановских интеллектуалов, то они стоят «лицом к лицу с реальным миром и ничем от него не защищены. В судьбах зрелых героев Гофмана и разыгрывается подлинная драма человеческого бытия в современном мире. Во всех этих героях бросается в глаза прежде всего одна черта: резкая смена настроений, внезапные – и обескураживающие других – переходы от “нормального”, спокойного поведения к эксцентрическому, вызывающему, эпатажирующему» [Карельский, 1991]. Вместе с тем данная особенность оказывает существенное влияние на развитие

политической ситуации, а также на политическую динамику – диспозиции меняются достаточно часто, только подтверждая нестабильность позиции интеллектуалов в связательстве с другими субъектами политического процесса, метафоризированного Гофманом.

Легитимация представляется комплексным процессом, в котором задействованы усилия всех участников процесса по поводу наделения признанием власти, их **акции и интеракции**. И здесь манифестация тайны как важнейшего ресурса власти актуальна для всех политических акторов.

Доступ к тайне означает прикосновение к сердцевине власти, к ее ядру. В этой связи, разумеется, близость к сакральному началу власти, к структуре тайны бывает существенно ограничена. Дистанция политического актора от сакрального начала практически всегда маркирует статусность политического актора. Сокращение дистанции (что рассматривается как акция политического актора) неизбежно поднимает статус политического актора, наделяя его ценнейшим ресурсом (в контексте нашего исследования), ресурсом знания, тайны алхимического преобразования. Тайна выступает непосредственным атрибутом высших сил, максимально статусных политических акторов, которым принципиально сохранять ее (а стало быть, саму власть) от распыления, расколдовывания. В дискурсе исследуемых сказок приближение к сакральному началу чревато неприятностями или даже смертью для политических акторов, изначально проигрывающих в статусе и позиции политическим акторам – хранителям тайны и секретов алхимических процедур (Ансельм – “Золотой горшок”, Фабиан и Бальтазар – “Крошка Цахес по прозвищу Циннобер”, Натанаэль – “Песочный человек”).

Соприкосновение с тайной интеллектуалов предполагает раскрытие алгоритма существования двух центров власти – интеллектуалов и правящего режима. Наверняка секреты алхимических преобразований могли требовать определенного допуска в свои структуры избранных, дабы в мире мог продолжаться существовать этот баланс центров власти. Кто, как не студенты, выступают преемниками гофмановских безумцев?! Ведь именно им и раскрываются секреты алхимических мистерий, тайные формулы власти. По мнению М. Фуко, “алхимическое знание передается единственно путем тайных или явных правил исполнения процедур” [Фуко, 2005, с. 99]. Посвящение в структуры тайны означает легитимацию, то есть по сути дела усиление позиции актора.

Политические акторы, обладающие доступом к тайне, живут в особом мире, обустройство которого требует от них особой компетенции. Моделирование мира происходит в пределах конкретной комнаты, лаборатории, кабинета, письменного стола. Бытие хранителей тайны требует полной концентрации в экспериментальных студиях, что предполагает сугубо специфический набор акций. Если данный актер вступает во взаимоотношения с другими представителями социума, то бывает достаточно избирателен в выборе партнеров. Это студенты, ученики, аудитория, правящая элита, нуждающаяся в консультации хранителей тайн. В “Житейских воззрениях кота Мурра” кунштюки Кемпелена требовали секретных контактов с карликом, переодетым в куклу турченка, а опыты Северино, вызывавшие прорицательские способности обыкновенного ящика, предполагали тайное существование гуттаперчевой девушки, прячущейся в нем [Гофман, 1967, с. 179].

Необходимо заметить, что осуществление интеракций с актерами, обладающими знанием, и, стало быть, властью, значительно изменяет мироощущение взаимодействующих. Хранители секретов алхимического преобразования оказываются референтными для социальных групп, допущенных к ним для приобретения знаний. Наверняка судейский советник Дроссельмейер в “Щелкунчике и мышинном короле” начал оказывать сильное влияние на детей Штальбаума после демонстрации им самой первой своей диковины – человечка, ворочающего глазами, или шара-коробочки, из которого выскакивает птичка.

Приращение магией, открытие каналов власти существенно меняет поведение акторов, что впоследствии проецируется на их жизнедеятельность. Расхожее утвер-

ждение – “власть меняет людей” – становится вполне удачным объяснением происходящих изменений в их самосознании. В “Золотом горшке” студент Ансельм после посвящения в секреты каллиграфии под началом архивариуса Линдгорста значительно меняется в глазах окружающих, по-разному пытающихся наполнить пустой концепт “власть меняет людей” [Гофман, 1967, с. 421].

Правящие акторы, которым может не доставать демократической легитимности, пытаются редуцировать собственную легитимность за счет привлечения к легитимационным процедурам опыта алхимиков. Князь Ириней в “Житейских воззрениях кота Мурра” обращается к маэстро Абрагаму не только для устройства фейерверка (что поддерживает его собственную легитимность в глазах придворных и народа), но и для иной помощи, в которой можно разглядеть политические консультации. Продуцирование чуда объекты власти, как правило, относят к политической воле правящего режима. Реальный исполнитель “чуда” оказывается скрытым от глаз толпы, проживая в рыбацкой хижине (“Житейские воззрения кота Мурра”). Подобное поведение – одно из свойств власти, не заинтересованной в развенчивании, в перемещении восприятия себя в поле обиходных репрезентаций.

Таким образом, многочисленные примеры политических ситуаций, обыгранных сказочником в качестве метафор, подтверждают, что тайна может выступать мощнейшим источником, аккумулирующим энергию власти. Ввиду изначальной мистичности и заколдованности тайны существенно ограничивается количество каналов, открывающих доступ к ней. Возведенная система социальных фильтров также ограничивает число потенциальных соискателей секретов – потенциальную политическую элиту. Подобная политическая конъюнктура увеличивает возможность эффективной инкорпорации в политическую элиту интеллектуалов, что и демонстрирует нам сказочный дискурс Гофмана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1976.
Ботникова А.Б. Немецкий романтизм: диалог художественных форм. Воронеж, 2003.
Гофман Э.Т.А. Житейские воззрения кота Мурра. Повести и рассказы. М., 1967.
Дегтярев А.А. Прикладная политология // Полис. 1997. № 3.
Исаев И.А. *Politica Hermetica*: скрытые аспекты власти. М., 2003.
Карельский А. Эрнст Теодор Амадей Гофман // *Гофман Э.Т.А.* Собр. соч. В 6 т. Т. 1. М., 1991.
Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века. СПб., 2003.
Михель Д. Власть, знание и мертвое тело. Историко-антропологический анализ анатомических практик на Западе в эпоху ранней современности // Логос. 2003. № 4–5.
Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления, интервью. М., 2005.
Ходнев С. Вся королевская дичь // Коммерсантъ-Власть. 2005. № 35.